

«В глубинах Духа смерти нет»

Завтра день рождения Зинаиды Александровны. Она не дожила нескольких месяцев до своего девяносто трехлетия. Сборник «Открытая Дверь», который выйдет в феврале, - возможность продолжить разговор с ней.

«Открытая Дверь» книга завершающая. Зинаида Александровна дописывала ее будучи тяжело больной. Она так иногда и называла сентябрьские стихи - «больными». Но я никак не мог, да и сейчас не могу с этим согласиться. Миркина никогда не писала «больных» стихов. Такой цельный человек как она и, занедужив, оставалась самой собой. Она угасала в окружении дорогих ей людей. Последнее стихотворение датировано 20-ым сентября, а ушла Зинаида Александровна на следующий день. Но «...уходя, мы не уйдем - / В глубинах Духа смерти нет». И вслух, и про себя я повторяю последнюю строчку. Происходит это помимо моей воли. Как-то поймал себя на том, что поменял в строке одно слово. «В глубинах Жизни смерти нет». Ее стихи живут.

Восемнадцатый поэтический сборник до некоторой степени дневник. У автора не осталось времени на то, чтобы сгруппировать стихи по разделам, как это делалось всегда. Тексты представлены в хронологическом порядке. Но «Открытая Дверь» не дневник души, а дневник Духа: отчет перед Господом.

Что же это, все-таки, значит: «В глубинах Духа смерти нет»? Разве мы не смертны? Конечно, смертны. Но вместе с тем есть нечто, что умереть не может.

Русский религиозный мыслитель Семен Франк так выразился о «самочинной воле» человека: «будучи онтологически беспочвенной, она все же фактически реальна». Точно так же фактически реальна и смерть, и в тоже время на последней глубине жизни смерти нет...

Почему героя русской сказки омывают сначала мертвой водой, а потом – живой? Да потому что мертвая вода добывает все то, что и должно умереть в нас. А живая вода проявляет все то, что никогда не умрет, что вечно.

Антония Блума глубоко поразили слова одного молодого богослова, который начал свой доклад так: «Будущей жизни нет, есть только вечная жизнь»... А вот как о превратно понятом бессмертии писал Григорий Соломонович: «Все представления о посмертии основаны на воображении. Вечность не после жизни, а внутри жизни». В «Открытой двери» Миркина развивает афоризм Померанца.

До вечной Жизни надо здесь дойти.
Она и здесь, и там – одно и то же.

Но нет безвестней и трудней пути,
За нас найти его никто не сможет.

То есть вечная жизнь и *здесь*, и - *там*. А другими словами, для вечной жизни нет ни *здесь*, ни *там*. Ее ничто не может ограничить. Как ничто не может ограничить Бога. Вечная жизнь подобна неиссякаемому Источнику, который утоляет нашу жажду при жизни, который не пересохнет после того как нас не станет, и который бил ключом до нашего рождения. Об этой Истине свидетельствуют любимые Померанцем индийские мудрецы. Григорий Соломонович вторит им: «Я как волна исчезну, я как Океан не рожден и не умру».

Вот главное положение учения, корни которого уходят в ведическую культуру: наше истинное «Я» никогда не рождалось, и никогда не умрет. А то, что умрет, это - не я. Но что же это тогда? Это то, что я принимаю за самого себя...

Существует замечательная суфийская притча. Празднично украшенный зал великолепного дворца наполнили гости. Все ждали появления короля, но никто не знал как он выглядит. Ближе всех к трону располагались знатные вельможи, поотдаль птицы не столь высокого полета. Но какого же было удивление распорядителя, когда он заметил, что у самого трона на табуретке сидит какой-то оборванец.

- Кто вы? – осторожно спросил распорядитель. – И почему вы впереди всех?

- Это мое законное место! – ответил незнакомец.

- Вы министр?

- Ну что вы. Я выше министра!

- Так вы король?

- Я выше короля!

- Значит, вы Бог!

- Нет! Я выше Бога!

- Что может быть выше Бога? Ничто!

- Ты прав. Я и есть то самое Ничто...

Оборванец был странствующим дервишем. Другими словами дервиш сказал следующее: «Я - то, на что нельзя навесить ярлык». И было бы не удивительно, если бы он добавил: «Конечно, я могу казаться себе и министром, и королем. Я могу даже принимать себя за странствующего дервиша. Но в глубинах Духа нет званий и чинов, нет имен и фантазий о себе, нет страха, и - нет смерти».

Все, чем мы обладаем, не наше. Оно дается нам на время. Но есть нечто такое, чего у нас нельзя отнять. У нас нельзя отнять то, что гораздо больше нас. В «Потери потери», своей первой книге, Миркина писала:

Меня любить? Мой Боже, эту глину?

Но тот, кто взглянет в сей провал сквозной,
в Тебя – мою живую сердцевину, -
о, как же он обнимется со мной!

Глина обязательно будет отнята. Глина вернется к глине, а Дух – к Духу. И для этого не нужно ждать Страшного Суда. Дух никогда не растает с самим собой. Ни на одно мгновение. Ткань глубинной жизни не рвется. «В глубинах Духа смерти нет».

Кто я? Снова и снова встает этот вопрос. Я – «провал сквозной»; *Ничто*, как сказал дервиш, то, на что нельзя навесить ярлык; «живая сердцевина».

Вот образ дорогой мне. Человечество подобно чудесным и причудливым камешкам, нанизанным на нить. Семь миллиардов бусин, а нить – одна. Бусина недолговечна. Вчера - бусина, сегодня – осколки. А вот нить не рвется. С нитью ничего случится не может. Отверстие в бусине и есть ее «живая сердцевина». Через это отверстие все бусины соединены друг с другом. Мы все связаны живой нитью. Мы и есть эта нить. Конечно, мы остаемся и бусиной тоже, потому что таков замысел Бога. И только будучи бусиной мы способны осознать, что мы все-таки не бусина. Мы - нить.

Зинаида Александровна протерла душу до дырки, как бумагу ластиком, и через эту дырку хлынул свет. Но это произошло потому, что Бог протирал бумагу с другой стороны. И состоялась Встреча. Если же мы будем протирать душу до дырки без Бога, то мы своим ластиком изорвем бумагу в клочья. Вот почему Померанц скажет: «Не самоистязание нужно, а внутренний напор творчества».

Вернемся к образу бусины и нити. Когда бусина нащупывает свою «живую сердцевину», сей «провал сквозной», она входит в вечность. В проточенном в бусине отверстии время теряет над нами свою власть. Каждая бусина старается обособиться, и это так понятно. Поэтому и возникают размолвки, переходящие в конфликты, развязываются войны. Когда обособляется волна от волны – на море случается буря. Но все волны, сколько бы их ни было, семь миллиардов или семьдесят семь образуют единый Океан. Все бусины, волны, жизни нанизаны на такую нить, которую не перерезать. И мы есть *то*, что нельзя перерезать. Когда буддисты говорят о нерожденном и несотворенном, как о нашей истинной природе, они имеют в виду эту самую нить, этот самый Океан.

Вот еще одно стихотворение из книги «Потеря потери».

Облака ушли в кочевье,
А во мхах текут ручьи...
Мы свободны, мы -- деревья,
Мы не ваши, мы ничьи...

День без края, жизнь большая,
Жизнь без смерти, мир - наш дом,
И никто не помешает
Нам идти своим путем.

Может статься, в говор хвойный,
В желтый ствол войдет пила, -
Мы все те же, мы спокойны -
Небо длится, жизнь цела.

Облака ушли в кочевье,
Слышен тонкий плеск ручья.
Я иду к своим деревьям,
Я не ваша, я - ничья.

«Я – ничья» говорит поэт. Не вешайте на меня ярлык. Я – проточная вода. Все ярлыки будут смыты. Ничего не останется. Останется только то, что было, есть и пребудет во веки – нить Жизни...

Да – «В желтый ствол войдет пила», но «Мы все те же, мы спокойны - / Небо длится, жизнь цела»... Какая это простая вера, детская вера в то, что все хорошо. Как бы ни было плохо, а все-таки все хорошо. Потому что жизнь на глубине нерушима. Но нужно жить на глубине. Учиться этому каждый день. И еще нужно учиться видеть себя со стороны. Любой пустяк может выбить нас из колеи, вытолкнуть на сумбурную поверхность жизни. Не говоря уже о каком-нибудь неодолимом чувстве, с которого может начаться депрессия. Но этот же пустяк или состояние крайней подавленности есть указатель в глубину, напоминание о ней. Не стоит искать единственно верных рецептов спасения или уповать на чудодейственные духовные техники. Техники и рецепты тоже могут помочь, но только при «умалении ума и разрастаньи сердца».

В посвященной памяти Померанца «Тайной скрижали», эта книга стала неким рубиконом для Зинаиды Александровны, есть такое стихотворение.

А если ты растаешь струйкой дыма?
А если жизни подведен итог
И стерто всё, что мыслью представимо.
А Бог? Кто Он – непредставимый Бог?
Так смысл пропал? – Ни на одно мгновенье:
Непредставимой этой глубине
Души моей вернейшее движенье
Необходимо так, как воздух мне.

И, может, нет ни рая и ни ада.
Простор небес непредставимо тих.
И нет ни наказания, ни награды,
Но только сердцу и не надо их,
Полученных за что-то, от кого-то. –
Душа под небом, как бокал пустой,
И пустота от всей земной заботы
Окажется небесной полнотой.
Умом не представляемая, иная
Мысль приказала некогда: живи!
Я ничего своим умом не знаю,
Но полнота, но океан любви!..

Как-то я уже рассказывал о том, как мы с моим семилетним сыном постигали на кухне все духовные учения разом.

Семен сидел и грустил. Перед ним стояла пустая чашка.

- Папа, помоги мне, - возвел он на меня круглые глаза. - Почему у меня плохое настроение?

- Как тебе помочь?

- Я не знаю, - пожал он плечами.

Тогда я сказал:

- Представь себе, что ты - чашка.

- Это неприлично, - поморщился Семен и даже отодвинулся от стола.

- Ну ладно, не представляй.

- Нет, я представил.

- Хорошо. Чашка пустая. Ты заметил?

- Ну заметил, заметил, - терял он уже всякое терпение.

- Внутри чашки воздух, правильно?

- Ну правильно, правильно.

- А воздух в чашке это тоже чашка?

Семен заглянул в чашку, подумал и сказал:

- Ну да. Воздух в чашке это тоже чашка.

- Хорошо. А если чашка, не дай бог, разобьется. Упадет со стола и разобьется. Что тогда станет с воздухом?

- Воздух выживет! – заявил он.

- Прекрасно! А теперь скажи. Ты кто? Чашка, которая может разбиться, или воздух в чашке?

- Я воздух! - отрезал Семен.

- Как настроение?

- Хорошее! – подскочил он и начал носиться по кухне. - Папа, а почему у меня хорошее настроение?..

Есть только одна веская причина, почему у нас хорошее настроение. Потому что «Душа под небом, как бокал пустой». Конечно, я ему этого не сказал. Да и зачем? Ведь он и так все понял.

То, что растает стружкой дыма, не является нами. Наша истинная природа – куст, который горит и не сгорает. Мы – негасимый огонь, мы – воздух в чашке, мы – нить, на которую нанизаны бусины. Волна должна ощутить свою нерушимую связь с тем, что больше нее. То есть, волна должна научиться видеть глазами Океана. Мысль о том, что я только лишь бусина, только лишь волна заставит меня страдать и приведет к отчаянию...

«И пустота от всей земной заботы / Окажется небесной полнотой»... Земные заботы. Как к ним относиться, и что это такое? В глубинах Духа смерти нет, но отведено ли место в глубинах Духа земным заботам?

Удивительный путь освобождения от земных забот предлагает Иоанн Златоуст. Мы должны все принести в дар Богу, говорит святой. Иоанн Златоуст не призывает нас в одночасье отдать Богу самое для нас дорогое. Мы не Авраамы, мы не готовы отдать Богу Исаака. Но мы могли бы отдать нечто не столь ценное. А начать лучше и вовсе – с ненужного. Отдай Богу ненужное. Начни с ненужного. Но выясняется, что мы и ненужное отдать не можем. Мы держимся за свои тревоги, страхи, за свою скуку и раздражение; за безрадостные мысли, за дурное расположение духа, за обиды, психологические травмы, неврозы. Почему бы все это не отдать Богу? Ведь все это нам так мешает! Антоний Блум так пересказывает поучение Златоуста: «С одной стороны, чувство потери не будет выше твоих сил, с другой стороны, ты даже не сможешь похвалиться и погибнуть через гордость, поскольку отдал-то ты нечто тебе ненужное. Когда освободишься от чего-то совершенно бесполезного, ты обнаружишь, что теперь что-то следующее вышло на уровень бесполезного. Отдай Богу и это. И мало-помалу, принося в дар Богу одну за другой вещи, ставшие ненужными, ты окажешься совершенно свободным от всего, потому что в конечном итоге, кроме Бога и Его Царства, все ненужно».

Как бы ни были важны земные заботы, а у нас нет права их игнорировать, они должны быть отданы Богу. Отданы как что-то ненужное, бесполезное или как нечто ценное, дорогое. И только когда мы все отдадим Богу, Он все нам вернет, но уже исцеленным, пересозданным. И мы, все что Ему пожертвовали, теперь возьмем из Его же рук. Так принял своего сына Авраам прямо из рук Господа. Бог не отнял Исаака у Авраама, а даровал ему сына. И тоже о Себе говорит Христос: «Потому Меня любит Отец, что Я жизнь Свою отдаю, чтобы снова ее получить». (Ин. 10:17). Не в этом ли и состоит тайна воскресения? А прежде воскрешения Христа Авраам ведет сына на гору Мориа, и происходит новое рождение Исаака. И так может состояться духовное рождение наших «земных забот», и даже наших поражений. Вот о какой «небесной полноте» идет речь. Но ей должна предшествовать «пустота от всей земной заботы», как земной тщеты.

В глубинах Духа, в глубинах Жизни есть место земным заботам, но прежде чем накормить кого-то, нам нужно принять пищу от Бога.

«Ах, Марфа, Марфа, погоди немного.
Накормит Бог, и ты накормишь Бога».

Недавно в отечественный прокат вышел фильм «Аритмия». Он был хорошо встречен критикой и получил благосклонные отзывы зрителей. Молодой врач скорой помощи Олег переживает не самый лучший период своей жизни. Жена Олега пытается уйти от него. Почему? Да потому что муж пьет. Он прекрасный врач, он натура жертвенная: всего себя отдает людям, но, расходуя силы, не восстанавливает их запас. Олег всем помогает, но сам помощи свыше не принимает. Другими словами, он не дает Богу накормить себя. Тот, кто заливает глаза, Бога не узнает. А человек Олег хороший. На таких как он все и держится. Но на долго ли его хватит?

Алкоголь позволяет освободиться от опеки ума, но лишь потому, что сам берется очень плотно опекать нас. Желанную свободу мы не обретаем. Мы лишь выбираем рабство себе по душе. Но выход ли это? От любого рабства с души воротит. Принять пищу от Бога, это значит ощутить вкус истинной свободы, истинной Жизни. В глубинах Духа нет ярлыков, скуки, страха, нет смерти, и нет рабства.

Китайский мудрец Чжуан-цзы дает образ предельной реальности, «великого единства» абсолютного бытия, которые и есть те самые миркинские «глубины Духа». Чжуан-цзы говорит о «Великом Коме». Этот Ком предстает *пустотой мировой пещеры* или *чревом Матери мира*, вмещающей в себя всё сущее.

Что может нам дать образ Великого Кома? Какого практическое применение этой метафоры? Что бы позволить быть тому что есть, чем бы оно ни было, вплоть до смерти, чтобы принять невместимое, нужно стать «чревом Матери мира», нужно стать «пустотой мировой пещеры», нужно стать «пространством осознанного присутствия», как сказал бы современный духовный учитель. Самое поразительное то, что вместить в себя всё сущее это, порою, почти тоже самое, что вместить внезапный и мелкий укол самолюбия. Другими словами, всё сущее может принять форму неприятного пустяка. Кто-то испортил нам настроение абсолютной ерундой, и вот мироздание тайно уже пошатнулось. Но для того, чтобы позволить быть пустяку в ничем не примечательный момент самой обычной жизни, необходимо стать всей «пустотой мировой пещеры». И никак не меньше. Пустяк всесилен, пока мы не погрузили его в глубины Духа. Всесильна и смерть, пока мы не вместим ее.

До смерти надо дорасти.
Она как со скалы закат.
Она огромна. Боже мой,
Как мал перед великой тьмой,
Как куц и неглубок мой взгляд!
Он раньше времени погас,
Он не прошел всего пути.
Но если смерть в себя вместить,
Не будет ни ее, ни нас.
А будет... Но опять, опять
Я море понесла в горсти.
Мне больше не дано сказать,
Но мне дано - расти, расти...

Нельзя исчерпывающе объяснить смысл таинственных строк: «Но если смерть в себя вместить, / Не будет ни ее, ни нас». В одном из своих эссе Зинаида Александровна написала: «Рок – это не вмещенный внутрь Бог». Вместить означает принять.

Бог дает нам не только испытания, но и силу справиться с ними. Поэтому мы не вправе сетовать на Бога. Нам нужно только все принять от Него: и ношу и помощь. Не становиться одержимыми одними лишь испытаниями, не увязать в своих страданиях. То, что в нас смертно, при встрече со смертью неминуемо погибнет. А то, что в нас от Бога, способно вместить в себя всё сущее и даже смерть. Мы больше смерти как бы она ни была огромна, потому что мы больше самих себя. В глубинах Духа нет смерти, и нас там уже нет. В глубинах Духа нас нет в качестве отдельной бусины, отдельной волны.

Сокровеннейшим для Зинаиды Александровны были слова Христа о двери. Он называл Себя дверью, ведущей внутрь. «Дверь - это Я. Кто войдет через Меня, будет спасен...» (Ин. 10:9). Миркиной было невыносимо больно от того, что люди, называющие себя христианами, часто не входят в Дверь, а запирают ее на засов и начинают ревностно охранять. Так истинные подвижники, исповедующие Христа, могут быть записаны в еретики или модернисты. Драгоценно признание Антония Блума: «Помню, как я был смущен, когда Николай Зернов пятьдесят лет назад сказал мне: «Вся трагедия Церкви началась со Вселенских соборов, когда стали оформлять вещи, которые надо было оставлять гибкими». Я думаю, что он был прав, - теперь думаю, тогда я был в ужасе. Это не значит, что Вселенские соборы были не правы, но они говорили то, до чего они дожились. И с тех пор богословы тоже до чего-то дожились...» Как тут не вспомнить стихотворение Миркиной:

Вера в творца, а не вера в творенье.
Вера не в камень, а только в движенье.
Вера в творящую тайную силу,
Что перед сердцем все двери раскрыла.
Образ Творца - наша полная мера.
Вера есть творчество. Творчество - вера.

Вера есть творчество, высочайшее творчество. Это - когда ничего от себя. Ну, а если буква подминает под себя Дух, если преследуются инакомыслящие, если под подозрение берутся иноверцы, то уж это точно - *от себя*. На всю жизнь я запомнил слова Зинаиды Александровны, которая сказала мне: «Тот, кто любит Христа, никогда не бросит камень в Будду».

Последняя стиховая книга Миркиной начинается автоэпиграфом.

Нам оказал Господь наш милость:
Он растворил Свое жильё –
Пред нами Дверь вовнутрь открылась,
Но мы... мы не вошли в нее.

Мы поклонялись внешней силе
И слали ей свои мольбы...
Мы Дверь усердно затворили
И об нее разбили лбы.

Она готовила нас к своему уходу. Можно открыть любую ее книгу, в любом месте и сразу же получить помощь, поддержку. Нам не нужно ничего придумывать, грош цена фантазиям о загробной жизни. Нет никакого гроба. Есть только жизнь, та великая жизнь которая не имеет ни начала, ни конца. Есть открытая Дверь, которая ведет в Новую жизнь, то есть в жизнь глубокую.

Январь, 2019